

ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНВЕСТИРОВАНИЯ КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

А. Д. Янькова, ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, г. Москва

Резюме – в условиях антиросийских санкций, торговых трений Китая и США и пандемии COVID-19 сельскохозяйственные инвестиции становятся важной составляющей процесса повышения общего благосостояния России и Китая. Они могут способствовать модернизации российской экономики и повышению эффективности её аграрного сектора на основе интенсификации производственных процессов, а также дадут возможность более уверенно продвигаться на внешних рынках и интегрироваться в пространство китайской инициативы «Один пояс, один путь». Для КНР они могут стать важным средством обхода торговых барьеров, обеспечения диверсифицированного рынка импорта сельскохозяйственной продукции и повышения уровня «выхода» китайского сельского хозяйства на зарубежные рынки. Таким образом, аграрные инвестиции потенциально выгодны обеим сторонам. Однако, ряд фундаментальных проблем как с российской, так и с китайской стороны затрудняют попытки интенсифицировать инвестиционное сотрудничество и повысить эффективность совместных производств. В данной статье представлен анализ подобных проблем – при этом особое внимание уделяется трудностям, которые выделяют именно китайские эксперты.

Ключевые слова: Россия, Китай, ПИИ, сельское хозяйство, аграрные инвестиции.

В современной сложившейся ситуации торговых трений между Китаем и США пока неясно, каким образом можно обеспечить диверсифицированный рынок импорта сельскохозяйственной продукции. Это стало серьезной проблемой, касающейся продовольственной безопасности КНР. Будучи ключевым направлением реализации инициативы «Один пояс, один путь», сельскохозяйственные инвестиции в Россию могут стать важным средством обхода торговых барьеров и повышения уровня «выхода» сельского хозяйства Китая на зарубежные рынки. Изучение тенденций в области привлечения прямых иностранных инвестиций из Китая в Россию – важная составляющая понимания драйверов и детерминантов ПИИ, а также мотивов китайских инвесторов. Иностранные инвестиции могут стать основой для модернизации экономики в условиях санкций. Фокус внимания на ПИИ в сельское хозяйство России связан, в первую очередь, с изменениями мировых трендов и приоритетных отраслей для инвестирования из-за пандемии и общего спада мировой экономики. Ранее популярностью пользовались ПИИ в добывающие отрасли, обоснованные мотивом поиска ресурсов, затем акцент сменился на энергетику и технологии. Согласно докладу UNCTAD 2020 [5], после пандемии перспективным стало инвестировать в отрасли, соответствующие Целям устойчивого развития. Из них наиболее подходящими для России представляются сельское хозяйство и производство продуктов питания – традиционные отрасли для ПИИ из Китая в Россию. Примеры успешно реализованных проектов, таких как дрожжевой завод компании Angel Yeast Rus, доказывают, что китайские инвестиции в аграрную сферу могут стать взаимовыгодным кейсом, приносящим существенную прибыль, соответствующим ЦУР, способствующим повышению уровня взаимного доверия. Для привлечения ПИИ из Китая в сельское хозяйство России необходимо понимать мотивы китайских инвесторов. Анализ вторичных китайских источников может помочь с этим.

С момента начала реализации инициативы «Один пояс, один путь» приток инвестиций со стороны китайских предприятий в российское сельское хозяйство демонстрировал общую тенденцию роста, при этом их доля в объеме сельскохозяйственных инвестиций в Европу и в общем объеме ПИИ КНР значительно снизилась – это первая особенность аграрных инвестиций из Китая в Россию. До 2017 г. Россия была крупнейшим направлением китайских инвестиций в сельское хозяйство европейского направления. В 2018 г. инвестиции китайских предприятий в европейское сельское хозяйство значительно увеличились по сравнению с 2017 г., но поток и объем ПИИ в сельское хозяйство в России снизились. Тенденция сохранилась и в 2019г [5]. У предприятий, ранее стремившихся инвестировать в российское сельское хозяйство, изменились инвестиционные цели, увеличились инвестиции в сельское хозяйство других европейских стран (например, в Швейцарию).

Во-вторых, построение инвестиционной отраслевой цепочки становится все более совершенным. Это означает, что все большая часть китайских предприятий выбирают инвестиции не только в посадку и плантации, но и в переработку и хранение продукции, логистику, агротехнологии, услуги, и т. д. [3]. В-третьих, основным субъектом инвестиций постепенно становятся частные предприятия. Статистика показывает, что количество китайских государственных предприятий, инвестирующих в российское сельское хозяйство, за последние годы сократилось на 50%. В то время как количество частных предприятий выросло примерно в 10 раз [5]. Энтузиазм частных инвесторов ограничивают политические риски, неопределенность инвестиционного законодательства РФ, отсутствие стимулирующих мероприятий, связанное с тем, что в России инвестиционное сотрудничество с Китаем происходит, в основном, только на государственном уровне. В-четвертых, постепенно увеличивается доля браунфилд-инвестиций [6]. Связано это с событиями 2017 г., когда в результате негативных тенденций во внешнеэкономической среде Россия внесла изменения в ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», Земельный кодекс и Доктрину о продовольственной безопасности. Изменения привели к ряду ограничений, целью которых было сдерживание западных инвесторов. Продукция, произведенная иностранными инвесторами, и ее экспорт отныне находились под управлением и контролем «Объединенной зерновой компанией» (АО «ОЗК»), подконтрольной правительству РФ. Изменения снизили доход инвесторов и их желание инвестировать «с нуля» в новые проекты. Далее следует перейти к проблемам, которые выделяют китайские эксперты. Для России, это, во-

первых, плохая инвестиционная среда, в целом: серьезные политические ограничения, отсутствие налоговых льгот, проблемы с ввозом рабочих, высокие политические и валютные риски, низкие экономические показатели, высокий уровень коррупции и т. д. Во-вторых, низкий уровень интенсификации инвестирования, связанный с тем, что на большой территории сложно обеспечить адекватную поддержку развитию инвестиций в новых отраслях. Например, даже если китайские инвесторы готовы вкладывать средства в интенсификацию своих проектов, отсутствие соответствующей техники, а также лизинговых, сервисных и других услуг, обслуживающих ее, затрудняет попытки повысить эффективность производства.

Что касается КНР, во-первых, выделяются трудности с принятием решений и выработкой стратегий у китайских предприятий. Компании, особенно частные, инвестирующие в сельское хозяйство России, редко имеют четкие планы инвестирования – чаще всего этот процесс осуществляется в формате «собственной инициативы», «по знакомству», «по совету». Во-вторых, недостаточное политическое руководство. Несмотря на то, что китайское правительство поощряет и поддерживает ПИИ в российское сельское хозяйство, оно не обеспечивает для них никаких льгот, не говоря уже о сопутствующих рекомендациях и руководстве, в результате чего предприятия вынуждены инвестировать «вслепую». Риски, к которым это приводит, можно разобрать на примере. Возьмем китайскую частную компанию, которая планирует инвестировать в выращивание кукурузы в России для производства комбикормов, чтобы затем экспортировать часть продукции на родину. При этом из-за того, что отсутствуют соответствующие советы и ориентиры от правительства, не ясно, будет ли качество кукурузы признано на внутреннем рынке Китая, и как это повлияет на производство фуражной кукурузы в КНР. Проблема опять же связана с тем, что российско-китайское сотрудничество ограничено межправительственными соглашениями, и даже китайской стороне трудно перейти к активной поддержке, в том числе информационной, частных инвесторов.

Тем не менее, позитивные изменения ситуации в долгосрочной перспективе представляются возможными. Во-первых, России необходимо направить усилия на улучшение инвестиционного климата и сглаживание различий в инвестиционной среде субъектов. Важно работать над неопределенностями в законодательстве и деловом этикете. Так, в частности, при приобретении крупных участков земли некоторые субъекты РФ не придерживаются культуры соблюдения договорных обязательств (契约精神): после прихода к власти нового руководства, оно может отказать признавать контракт, подписанный предшественниками. Китайские предприятия тоже могут внести вклад в улучшение ситуации. Им следует провести ряд полевых или лабораторных маркетинговых исследований, проанализировать сельскохозяйственную инвестиционную среду в различных регионах России и создать механизм оценки инвестиционных рисков [1, 2]. Во-вторых, необходимо усиление политической поддержки ПИИ. Правительству КНР следует определить ведущие отрасли для инвестиций, тем самым создать систему идентификации для ключевых направлений сельскохозяйственных инвестиций в России. Также необходимо усилить политическую поддержку получения платежей в иностранной валюте, страхование инвесторов, развитие кластерных подходов к ПИИ для частных предприятий. Китаю следует больше внимания уделять оптимизации сферы услуг в области сельскохозяйственных инвестиций и созданию модели «цифровизации» для данной отрасли, так как эффективность услуг (в первую очередь, логистических) недостаточная. Целью для Китая в данном вопросе является построение международной логистической цепочки, расширение железнодорожных перевозок по направлению Китай-Европа, увеличение влияния бренда Китайско-Европейского железнодорожного экспресса. Для этого необходимо координировать рациональное размещение транспортных узлов в Синьцзяне и западнее, а также усилить работу сборочного центра Китайско-Европейского железнодорожного экспресса в Урумчи, способствовать повышению качества и эффективности скоростной железной дороги Китай-Европа. Таким образом, очевидно то, что инвестиции в сельское хозяйство России могут быть выгодны обеим сторонам. От России, как минимум, требуется не препятствовать деятельности частных инвесторов и проведению полевых маркетинговых исследований, а также стремиться бороться со страхом перед «желтой угрозой» и постепенно повышать уровень благоприятного отношения к китайским инвестициям в обществе. В России к ПИИ из Китая часто относятся настороженно, опасаясь того, что КНР начнет диктовать свои условия и захватывать ресурсы. Иногда присутствие китайского капитала воспринимается даже как угроза национальной безопасности. Более детальное изучение мотивов, драйверов и детерминантов китайских ПИИ может помочь снизить уровень напряжения, так как часто он связан именно с отсутствием соответствующих знаний. Иностранные инвестиции дают возможности для восстановления экономики, которое особенно важно в связи с последствиями пандемии, потому активная работа над привлечением ПИИ из Китая должна проводиться уже сейчас.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ли Минь, Джу Хуэй. Чжунэ пилинь цюйюй нуне хэцзо ди шэньхуа луцзин: [Углубляющийся путь регионального сельскохозяйственного сотрудничества между Китаем и Россией]. 对外经贸实务 [Практика внешнеэкономического и экономического сотрудничества], 2019. № 11. С. 24–27.

2. У Пэй, Ли Чжэ Минь. Чжун го нуне дуйвай чжицзе тоуцзы фачжань яньцзю цзичжань ванцзи юй IDP лилунь хэ ARIMA мосин: [У Пэй, Ли Чжэминь. Исследования и перспективы развития OFDI в сельском хозяйстве Китая на основе теории ВПЛ и модели ARIMA]. 技术经济与管理研究 [Исследования в области технологической экономики и управления], 2019. № 5. С. 118–122.

3. Чжу Нин. «И дай и лу» бэйцзин ся чжунго дуй элосы чжицзе тоуцзы яньцзю: [Исследование прямых инвестиций Китая в Россию в контексте инициативы «Один пояс, один путь»]. 东北财经大学 [Северо-Восточный финансово-экономический университет], 2017. № 1. С. 92–95.
4. Чжэн Го Фу. Чжунэ нунчаньпинь маои хэцзо тэчжэн: [Особенности, проблемы и предложения для российско-китайского сельскохозяйственного торгового сотрудничества]. 西伯利亚研究 [], 2019. № 4. С. 26–32.
5. China Statistical Yearbook 2014-2020 // National Bureau of Statistics of China. 2020. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexeh.htm>
6. World Investment Report 2014-2020 // UNCTAD. 2020. URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2020>